

Пасхальные дожди

Пасхальные дожди в святом Ерусалиме,
Из бурых облаков наброшенный талит,
И в каждом чужаке, в бродячем пилигриме
Всевышний в этот миг надежду затаит,
Что будет взмах руки, что белая ослица
С молчащим седоком найдёт дорогу в храм.
Пасхальные дожди...
Так будем веселиться
И радоваться вслух Всевышнего дарам.

Израильский дождик

Израильский дождик — небесная манна,
Прохладно ночами, а утром туманно,
И свежая лужа лежит, лужебока,
И думает, что она — зеркальце Бога.
Так просто воде стать водою святою,
Когда она в каждом селенье желанна,
И кажется прочее всё — суетою...
Израильский дождик — небесная манна.

Дождик зимний

Дождь декабрьский — он не грустный,
Льётся из последних сил,
Словно бы экзамен устный:
Отболтал — и позабыл.
Дождик странный, дождик зимний,
Добрый спутник птичьих стай,
Младший брат январских ливней,
Не стесняйся — подрастай!

Ливень

По улицам ливень, шатаясь, идёт,
как пьяная в дупель шпана.
И мне не свернуть в переулочек тот,
где спрячет в себе тишина.
Спасения нету — беги не беги,
стою, прижимаясь к стене,
но Бог положил коромысло дуги
уже на плечо в вышине...

Этот дождик ночной одурел не на шутку,
Он по улицам катится валко и шатко.
И не скажешь ему: «Тормозни на минутку».
И за вожжи не взять, да и дождь — не лошадка.
Ах ты, дождик февральский — холодная влага,
Поливай-поливай, чтоб полней был Кинерет.
И меня согревает шотландская брага,
А скажу, что не пью, — так никто не поверит...

Зимние дожди

Зимнее солнце уже ненадёжно,
тучи по хмурому небу бредут,
и без зонта выходить невозможно —
дождь за спиной притаился, как Брут.
Бахает гром из небесной зенитки,
и в синагогу несётся хасид
сквозь непогоду, промокший до нитки,
жизнь на которой, качаясь, висит...

Новогодняя импровизация

А у нас — новогодний дождь...
С Новым годом поздравил вождь.
Выпил с красным вином бокал.
По тв послушал вокал.
А потом покормил котов.
Пожелал жене: лайла тов.
По домам разбежался люд.
Новогодний дождя салют...

После дождя...

После дождя легко дышится:
Воздуха набрал — и леги...
Самолётом в небе рисуется ижица,
и солнце, сидящее взаперти,
словно смайлик или детская рожица,
улыбается сверху изогнутым лучом.
Чувствуешь — внутри печаль крошится...
И всё — нипочём...
И всё — нипочём...

Серый дождик

Серый дождь по серой кровле,
Сыр и холоден мой кров.
— Ах, мой ангел, ты здоров ли?
— Нет, мой ангел, нездоров!
Виски пью, варю крупу я,
Еле теплится камин.
Я болею,
Я гриппую.
Бог зовет: come in, come in!
— Отчего же по-английски
Бог зовёт тебя, чужак?
— Оттого, что пью я виски,
А не водку и коньяк!

«Гудекс»

Сыну Виталию

Сегодня задержался на работе—срочно надо было заканчивать материал о европейских браконьерах, ведущих нелегальную охоту на львов в заповеднике на юге страны. Только решил пять минут передохнуть, как позвонил кузен:

— Слышал о новом интернет-поисковике «Godex»?

— Ну, слышал,— лениво ответил я.

— А то, что он даёт подарки своим постоянным подписчикам?

— Ну и что? Сплетни, рекламный ход, не более.

— Ты знаешь, вчера получил задание—купить игрушку и занести по заданному адресу ребёнку. Всё выполнил—ради интереса. И сегодня чек пришёл—пятьдесят рандов.

— Ничего себе,— присвистнул я.— И как часто высылаются задания?

— Я поспрашивал. Кому-то нужно было поехать на вокзал—помочь старушкам, кому-то—час постоять на площади с флагом страны, кому-то—подмести в парке. Всевозможные, иногда дурацкие, задания. Но оплачивает щедро. Полстраны подписалось на его сеть, забросив привычные поисковики «Гугл» с «Яндексом». Видимо, у этого портала деньги куры не клюют.

— Спасибо за информацию. Деньги мне не мешают,— поблагодарил я кузена и вернулся к правке статьи.

Утром за завтраком просмотрел электронную почту и зарегистрировался на новом портале. Задание пришло через три дня: посидеть в парке с трёх до четырёх часов дня,— а через неделю получил чек на двадцать рандов и новое задание: простоять час с флагом страны в любое удобное для меня время,— и получил уже пятьдесят рандов. Казалось, что администратор портала является владельцем золотых рудников на севере страны,— так он разбрасывался деньгами.

Я навёл справки о владельце портала. Им оказался миллионер и бизнесмен Гунор Декселе.

Майский дождь

А у нас майский дождь вроде бы экзотики,
Потому что в стране всё наоборот.
Если дождик пошёл, барабаны в зонтики,
Ты не трогай его— пусть себе идёт.
И, строчек ритмику ломая,
Кричу с улыбкой на лице:
«Люблю грозу в начале мая!»
И в середине...
И в конце!

История происхождения его миллионов нигде не освещалась, Он был вариантом африканского графа Монте-Кристо. Какая-то тайна стояла за этой фигурой. Я попросил главного редактора моей газеты разрешения отправиться к владельцу портала «Гудекс» за получением интервью.

Тот посоветовался с боссом и нехотя разрешил, сказав, что не гарантирует публикацию этого интервью. Такие условия я услышал впервые, что меня озадачило, и стало понятно, что что-то тут не то с этим новоявленным миллионером.

Я созвонился с представителями Декселе, и через неделю мне была назначена встреча.

Вилла у миллионера оказалась достаточно скромной— всего два этажа. Внизу кухня, компьютерные центры; возможно, там занимались производством криптовалюты— майнингом, в наше время прибыльным делом. Две комнаты для прислуги. На втором этаже большой пресс-центр, балкон, нависающий над входом на виллу, и кабинет самого хозяина. Толстая служанка, родом из Южной Африки, как мне показалось, принесла кофе с круассанами в антикварных чашках. Вошёл хозяин виллы, дружелюбно улыбнулся. Я уселся в кресло напротив хозяина и включил диктофон.— Я родился в очень бедной семье,— начал свой рассказ Гунор.— Родители старались сэкономить каждый ранд, чтобы собрать необходимую сумму на обучение в метрополии. Едва сводили концы с концами, и родители, как и все родители в бедных семьях, не хотели, чтобы дети повторяли их судьбу. Так жили тысячи людей, потому что у власти стояли местные нувориши, думающие только о своём банковском счёте. Когда-то страна была колонией Франции, и французский язык был в стране вторым государственным языком, если не первым, поэтому вся молодёжь училась в университетах Франции. Денег на обучение, конечно же, не хватило бы, но я был первым учеником

в колледже и потому получил городскую стипендию из фонда помощи одарённым детям. Это было чудо, в которое сложно поверить. Конечно же, я выбрал Сорбонну. Учил экономику, бизнес и программирование. И я хотел своими знаниями, как это ни пафосно звучит, помочь своему народу... —...ага, рассылая чеки за всякие непонятные задания вашим порталом-поисковиком? И насколько хватит ваших миллионов на эту помощь людям?

Декселе поднял на меня тяжёлый взгляд:

— Я думал, что журналисты вашего уровня более сообразительны. Выключите, пожалуйста, диктофон. Поговорим без технических свидетелей.

Заинтригованный просьбой, я выключил прибор и настороженно уселся в кресле.

— Вы, как и все, учились в школе и помните опыт, который любят все дети. С магнитом и металлической крошкой, рассыпанной на бумаге. Стоит снизу подложить магнит, как...

—...крошки ориентируются в одном направлении... — подхватил я.

— Ну вот, вы начали соображать, — довольно улыбнулся миллионер. — То есть крошки металла, будучи индивидуальными объектами, превращаются практически в однородную массу, ориентированную в определённом направлении. Теперь догадываетесь?

— Ваш портал выполняет функцию магнита? — озарило меня. — То есть в определённый момент вы...

— Bravo, господин Джасты. Да, в заранее назначенный момент народ выйдет на главную площадь и свергнет антинародный строй. Хватит людям жить в нищете в стране, где добывают нефть, алмазы и уран. Они имеют право иметь свою часть от доходов, получаемых нуворишами от эксплуатации недр страны.

— А если магнит выпадет из ваших рук, господин Гунор?

— Кто-то его подберёт. Возможно, этим человеком окажется вы, господин Джасты, — конечно, если вы не равнодушны к судьбе своего народа.

— Я — возглавлю борьбу? — мне стало смешно. — Народ, конечно, дело святое, но только журналистика даёт силу и право его защищать. А политика, где одни подковёрные игры, — не для меня...

— Не мы выбираем время, господин Джасты, когда нам жить. Время выбирает нас для преобразования судеб народов и изменения истории. И мы будем ждать часа «Х».

— И что тогда?

— И тогда всем будет разослано одно и то же задание — выйти на площадь перед дворцом. И требовать смены власти. Только так. Это срабатывало во многих странах.

— То есть вы хотите использовать людей вслепую? А если начнут стрелять?

— Борьба требует жертв.

Гунор перевёл взгляд с меня на портрет Фиделя Кастро, висевший на стене слева от него. А напротив портрета лидера кубинской революции висела хорошая копия картины Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ на баррикады».

«Да, интересные идеалы у моего собеседника», — подумалось мне, и я не смог промолчать.

— На ваших стенах не хватает портретов Томаса Мора и Бенедикта Спинозы, — съязвил я.

— Мы построим свою Утопию, существенно отличающуюся от придуманной Мором. И у нас не будет рабства и прочих отрывков средних веков. Вот увидите, — убеждённо возразил Гунор и продолжил: — В нас, как и в компьютере, сидит невидимый чип, который работает в нужное время помимо нашего желания, — Декселе поднялся с кресла, подошёл ко мне сзади и положил руки на плечи. — Можно, я вас буду звать по имени, Бенти?

Поймав мой кивок, хозяин дома продолжил:

— Я чувствую, Бенти, вы — порядочный человек. Я знаю, что вы тоже из небогатой семьи. Всего добились упорным трудом и талантом журналиста. Я читал ваши статьи в газете, а потому, возможно, как говорят во Франции, встретимся на баррикадах. И, естественно, надеюсь, что эта беседа не попадёт на страницы вашей газеты — понимаете почему. А теперь вынужден распрощаться. Дела, дела.

Хозяин виллы протянул мне руку. Рукопожатие было сильным. «Видимо, много занимается спортом», — предположил я.

Час «Х» наступил где-то через полгода.

В это время Декселе входил в состав правительства, которое рассыпалось после недолгого стояния на площади. Появились люди с плакатами, а полиция на удивление вела себя очень неактивно. Всё было срежиссировано точно и умно. Депутаты ушли в отставку, временный совет возглавил Декселе, который тут же взялся за исполнение своей мечты во благо народа. Алмазные компании были национализированы. Пошли инвестиции в экономику страны. Создавались новые рабочие места, начался строительный бум. Строительные бригады из Китая сносили районы лачуг и строили дома, работали профессиональные курсы по обучению безработных.

Но в главном новый хозяин страны сделал верное решение — удвоил зарплату военным, и в командование армии выдвинулись выходцы из бедных семей, вызвав недовольство олигархической элиты.

Как возрождалась наша Низабия, с восхищением и изумлением смотрели не только окружающие нас страны, но и многие европейские. Конечно, став президентом, победив на выборах с огромным перевесом, Декселе предложил мне пост министра печати, от которого я уклонился. А вот свою газету, поскольку бывший редактор эмигрировал, я согласился возглавить.

Однажды Декселе, уже будучи президентом, приехал в редакцию. Оставил охрану за дверью, и мы уединились в моём кабинете. Президент подарил мне шикарную бутылку коньяка, которую тут же открыли и выпили за свободу.

— Ну что, эффект магнита сработал? — подколол я Гунора.

— Магнит — это первая ступень к победе. Главное — эффект резонанса.

— Ну, вы были отличником по физике, вам видней, — я налил ещё по чуть-чуть.

— Вы же знаете, по мосту солдатам запрещают идти в ногу. Совпав с амплитудой шагов, мост может рухнуть. Магнит построил народ в шеренги, а когда он пошёл в ногу — правительство рухнуло, как по законам физики тот мост.

Выпив за будущее страны, мы расстались.

Однажды я уехал в командировку в Париж — хотел взять интервью у лидеров страны, узнать, как они оценивают расцвет Низабии, купить новое оборудование для редакции.

Я спешил в отель. Уже было сделано много дел. Подписал контракты на покупку компьютеров и типографского оборудования для газеты. Назавтра договорился через секретаря взять интервью у председателя партии «Национальная сила» Мэри Лепан. У входа купил газету и вошёл в номер. День выдался сложным, и хотелось отдохнуть.

Перекусив и присев в кресло, раскрыл газету. У меня потемнело в глазах: на первой странице — сообщение о попытке военного переворота в Низабии. Президент Гунор Декселе во время переворота застрелен, якобы при оказании сопротивления. Усталость исчезла мгновенно. Тут же позвонил в «Эйр Франс», попросил перебронировать билет на ближайший рейс.

Ожидая звонка из авиакомпании, я подошёл к окну. На площади с плакатами, требующими свободы, равенства и любви, ходили африканские мигранты, которыми кишел Париж в последние двадцать лет.

«Сукины дети, — думал я. — Вы не пролили ни капли крови, не рисковали жизнью, чтобы во Франции наступили свобода и равенство. Отъези на „социалке“ морды, а теперь вынь да положь вам кусок от чужого пирога. Нет чтобы ехать в свои ганы, суданы и эритреи и добиваться свободы там, на своей родине, где жили ваши предки...»

От злых мыслей отвлёк звонок: рейс будет через три часа. Я поспешил. Сдал номер, поймал такси и помчался в Шарль-де-Голль. Я понимал, что народ, после веков нищеты начав жить по-человечески, не захочет возвращаться в прежнее бесправное и нищенское существование.

В мозгу звучали слова Декселе: «Я должен помочь народу сделать первый шаг. Главное, чтобы он удался. А потом, если меня не станет, найдётся человек, который продолжит моё дело. Возможно, этим человеком окажетесь вы, если не будете равнодушны к судьбе своего народа».

Когда вышел из самолёта, ко мне подбежала президентская охрана, усадила в бронированный автомобиль и привезла во дворец. Собрался Народный совет Низабии, на котором зачитали политическое завещание убитого президента. В нём мне предлагалось возглавить правительство до предстоящих выборов. И я понимал: выхода нет. Дело Декселе надо довести до конца — в таких вещах никогда нельзя останавливаться на полпути.

Неделю назад я возвращался из самого бедного округа страны, где были обнаружены большие запасы нефти. Там был построен новый микрорайон, небольшая больница. Я ехал на открытие школы — посмотреть на радостные лица детей и их родителей, начавших привыкать к нормальной цивилизованной жизни.

Да, поверьте, это окрыляет, когда видишь светлые взгляды людей, красивые города. На обратном пути наш кортеж обстреляли. Охранник погиб, а я был тяжело ранен. Неделю меня готовили к операции. За эту неделю я написал этот рассказ о дружбе с необыкновенным человеком, который в одиночку, с помощью Интернета и силы воли, изменил историю своей страны, которую любил больше, чем свою жизнь.

Врачи опасаются, что после операции я могу не выйти из наркоза. Если выйду — напишу книгу о своём друге, а нет — так останется эта история в моём ноутбуке.

Может быть, кому-то она пригодится.

P. S. На площади перед президентским дворцом был поставлен бронзовый памятник убитому президенту Низабии Гунору Декселе и застреленному во время теракта главному редактору крупнейшей газеты страны Бенги Джастии, заменившему президента до выборов.

Отлили памятник местные скульпторы.

Президент Декселе стоит и показывает рукой на президентский дворец, словно призывает к штурму, а у его ног за маленьким столом, на котором стоит ноутбук, сидит журналист Джастия, возможно, пишущий свою последнюю статью.

Злые языки утверждают, что это плохая копия московского памятника Минину и Пожарскому, и обвиняют местных скульпторов в плагиате, но, к радости обеих сторон, до дипломатических конфликтов между странами дело не дошло.